

Тюркское происхождение Ильдыты не следует связывать с татарским завоеванием: факт гибели Бориса и Лазоря Ильдятиничей в 1268 г. позволяет предполагать появление в Новгороде его самого еще в домонгольский период. В новгородском обществе второй половины XII – первой трети XIII вв. Ильдыта оказывается далеко не изолированной фигурой, пополняя ряд персонажей, наметившийся благодаря нескольким находкам последнего времени. Такими же, как Ильдыта, этническими тюрками были, по всей вероятности, Кыяс — один из адресатов берестяной грамоты № 1000 (сер. XII в.) (см. в настоящем томе), Сандус — автор надписи в Мартирьевской паперти Софийского собора (Гиппиус, Михеев 2011: 44–46), Гюлопа и его сын Гюлопинич, упоминаемые в берестяных грамотах № 729 и № 926 (2 пол. XII в.) (см. комментарий к грамоте № 729).

Люди, подобные Ильдыте и Гюлопе, могли попадать в Новгород разными путями, но в первую очередь — в окружении князей, приходивших из южной Руси. В связи с этим особенно примечателен факт наличия у Ильдыты собственного села. Как известно, запрет на «держание» князем и его людьми сел в Новгородской земле неизменно присутствует в формуляре договоров Новгорода с князьями. С другой стороны, как видно из тех же договоров, княжеские бояре все же могли, в обход этого запрета, обзаводиться в Новгороде собственными селами, рискуя, впрочем, лишиться их с изменениями политической конъюнктуры. В случае с «Ильдятинным селищем» тюркское имя помогает выявить факт принадлежности села лицу из княжеского окружения.

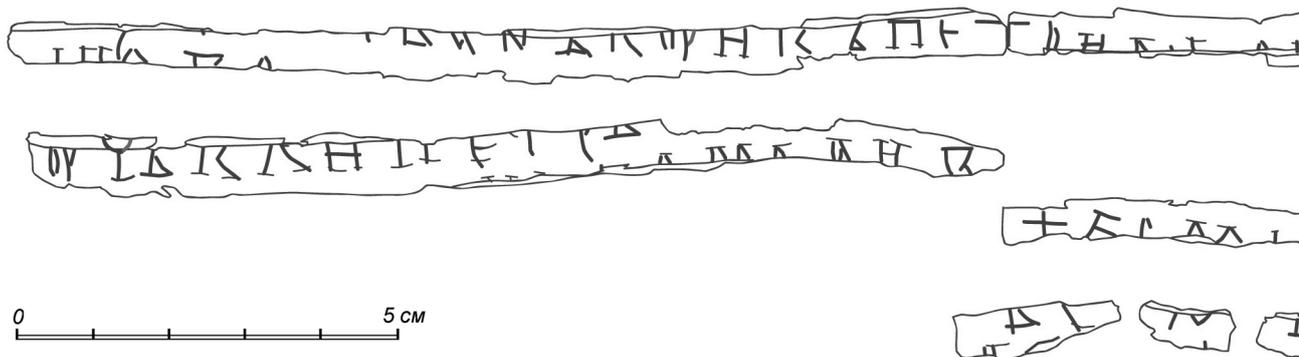
№ 83 (XI в.) [Г]. Несмотря на то, что от грамоты сохранился лишь крохотный фрагмент, можно уверенно определить ее жанр: это долговая запись вида «на X-е столько-то, на Y столько-то».

на
 рѣ ...
 гр̄(вн)- ...

№ 88 (вероятно, первое 40-летие XII в.) [Г]. Грамота была найдена в виде сложного переплетения берестяных ленточек, на которые она была разорвана в древности. «Когда это переплетение было распутано, — писал А. В. Арциховский, — обнаружались лишь части букв. Прочсть ничего нельзя. Мерить тут тоже нечего» (НГБ-III: 14). Вместо прориси в издании был помещен рисунок самой плетенки.

В расплетенном виде, в каком он хранится в Отделе рукописей ГИМ, документ оказался куда более информативным, чем это представлялось издателю. Он представляет собой четыре берестяных полоски длиной 15, 13, 12,7 и 10,7 см и еще три мелких фрагмента (2,5, 2 и 1,2 см; на рисунке в издании они изображены отдельно); в общей сложности эти фрагменты содержат остатки около восьми десятков букв. Как выяснилось при обследовании фрагментов, две из четырех полосок первоначально составляли одну длинную (более 28 см) полосу, которая впоследствии была разорвана (разрезана?) посередине. Аналогичным образом, из более длинных лент, могли быть получены и две других полоски. Действительно, читаемые в них фрагменты текста удастся состыковать между собой путем простой и высоковероятной конъектуры (см. ниже). По видимому, прочитав грамоту, адресат поступил с ней следующим образом: разорвав берестяной лист вдоль волокон на несколько полос («пощепавши грамоту», как это действие обозначено в грамоте № 881), он взял две несмежные полоски, разделил их пополам и из полученных четырех ленточек сделал свою плетенку. Существующие отдельно три мелких фрагмента должны были в таком случае принадлежать одной из этих ленточек. Подходящее место для них, действительно, обнаруживается: составляемая из нижних частей букв последовательность [ѣ е](с)[мь бы] находит точное соответствие в одной из полос, где сохранились верхние части букв той же последовательности.

Взаимно скоординированные между собой фрагменты дают следующий текст (приводим его вместе с прорисью):

...[з]---[ив]анъкоуикъпетри[лѣ]-есьдѣлониесмына...
 ...ш[аго]...
 оуучклипетръ...
 ...[та]молив... ...[вѣ]ж[ьт]ак[о]...
 ...ѣ[с]мьбъ...

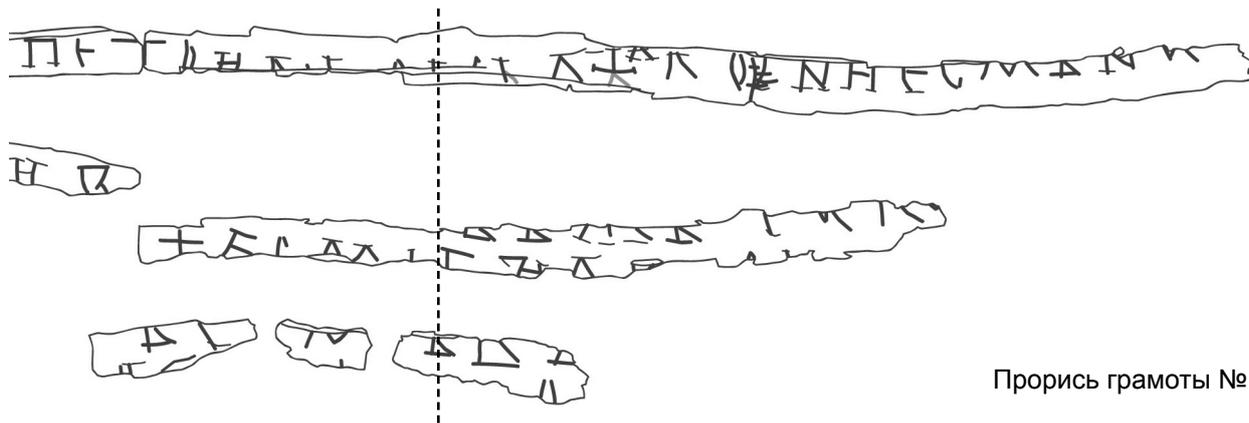
То же со словоделением и наиболее надежными конъектурами:

...[з]- (къ) [ив]анъкоу и къ петри[лѣ] (се съдѣ лони есмь на...
 ...ш[аго]...
 оуучкли петръ...
 ...[та]мо а ив(анъкоу по)[вѣ]ж[ь т]ак[о]...
 ...ѣ [с]мь бъ[л]ъ ...

В первой строке с полной надежностью прочитываются имена адресатов: *къ Иванъку и къ Петрилѣ*. Окончание строки представляет для интерпретации значительные трудности. Они усугубляются тем, что текст в данном месте был правлен в процессе написания, а именно: между *ѣ* и *л* вписано над строкой, но потом зачеркнуто одной горизонтальной чертой еще одно *л*; после *о* в *лони* зачеркнуто несколькими горизонтальными штрихами первоначально написанное *у*. Надежно вычленяется словоформа *есмы*. Предыдущее слово, с учетом исправления *оу* → *о*, вряд ли может быть трактовано иначе как наречие *лони* ‘в прошлом году’. По-видимому, написав *лоуни* вм. *лони* (о возможной природе этого написания см. ниже комментарий А. А. Зализняка), писец решил исправиться и стал писать слово заново над строкой, но затем просто зачеркнул *у*.

От предшествующего текста (после окончания имени) видны следующие начертания. Первая буква не сохранилась. Вторая, третья и четвертая, хотя от них сохранились только верхние части, уверенно определяются как *е*, *с* и *ь* (начертания *е* и *с* в грамоте различаются, а верхушка от *ь* не может принадлежать *ѣ*, так как находится слишком близко к предыдущей букве). Далее следуют сохранившиеся частично, но тем не менее надежно идентифицируемые *д* и *ѣ*. Последовательность *-есьдѣ* в тексте первой половины XII в., записанном в стандартной графической системе, может соответствовать лишь сочетанию *се съдѣ*. Основной текст письма начинался, таким образом, словами: *(Се съдѣ лони есмь ...* ‘Вот, здесь, в прошлом году, я ...’ — далее, вероятно, следовала форма *л-причастия*, начинавшаяся с *на-* (типа *надѣлилъ*, *нареклъ* и т. п.).

В начале третьей строки уверенно вычленяется форма перфектного причастия *оуучкли*, с рефлексом праславянского *t1 «псковского» типа (= стандартн. др.-русск. *оучьли*). Данное написание представляет большой лингвистический интерес. Перфекты типа *бюгли*, хорошо известные из псковских источников, в корпусе берестяных грамот были до последнего времени представлены единственным примером *веглесе* в № 25. Между тем, еще один аналогичный пример, *соцклосо* (= *сочлоса*), выявлен А. А. Зализняком в грамоте № 211 (сер. XIII в.) при изучении ее нового цифрового снимка. Оказывается, таким образом, что два ярких примера

Прорись грамоты № 88

данного явления имелись уже в составе первых трех сотен берестяных документов и лишь не были до сих пор идентифицированы.

Читаемое далее имя *Петръ*... едва ли представляет собой форму именительного падежа (согласовать ее со сказуемым во множ. числе можно, лишь предположив, что вместе с Петром действовали и были названы еще по меньшей мере два человека, что маловероятно); более вероятная, на наш взгляд, альтернатива состоит в том, что перед нами зависящая от *оучькли* форма винит. (= родит.) падежа *Петръ(ка)* или дат. падежа *Петръ(коу)* (см. у Даля [s.v. *усчитывать*]: «его усчитали, учли на сто рублей, правят с него»; у Т. Фенне: *jas tebe vtzkle tzto tÿ otkles / Ich hebbe idt dÿ berekendt, dattu dÿ forteldt heffst* (Хендрикс, Схакен 2006: 353) ‘Я у тебя вычел то (ту сумму), на что ты обсчитался’). По-видимому, подвергшийся «учету» Петр (Петрок) — лицо, отличное от второго адресата грамоты, Петрилы, что подчеркивается и употреблением иной формы имени.

Наречие [*ma*]мо, с которого начинается сохранившаяся часть следующей строки, соотносится с *сѣдѣ* в начале грамоты и, видимо, завершало первую часть основного сообщения. Для начала второй части высоковероятна конъектура: *А Ив(анькоу по)[сѣ]ж[ь т]ак[о]*... Поскольку трудно себе представить, чтобы в грамоте помимо двух разных Петров упоминались еще и два разных Ивана, следует думать, что слова эти имеют в виду первого адресата грамоты, Иванка (реконструкция *Ив(анькоу)*, а не *Ив(аноу)*, обусловлена именно этим соображением). Обращены же они, по всей вероятности, к Петриле, которого автор просит довести до сведения Иванка адресованную тому часть сообщения.

К сожалению, в том объеме, в каком текст грамоты сохранился и поддается реконструкции, он позволяет составить лишь самое общее представление о характере документа. Адресованное Иванку и Петриле письмо носило официальный характер (о чем свидетельствует начальное *се*), упоминало некую акцию, предпринятую автором в прошлом году, и какие-то деньги, вычтенные из дохода Петрока.

Из этой информации наибольший исторический интерес представляют имена адресатов документа. Указанная в издании стратиграфическая дата — рубеж XI–XII вв. В хронологическом реестре А. А. Зализняка, учитывающем результаты работы П. Г. Гайдукова по уточнению стратиграфических датировок грамот Неревского раскопа, грамота отнесена к рубрике 1120–1140 (НГБ-Х: 146). В этот период христианские имена были распространены в Новгороде преимущественно в аристократической среде и даже в ней составляли еще меньшинство. Тот факт, что их носят оба адресата грамоты, может поэтому рассматриваться как свидетельство их высокого социального статуса. Именно в эти годы на страницах Новгородской 1-й летописи соединены имена двух видных политических деятелей эпохи — Иванка Павловича и Петрилы Микulichа. Оба они занимали должность посадника: Петрила — в 1130–1134 гг., Иванко — кратковременно в 1134 г.: посадничество было отнято у Петрилы и передано ему в ходе незавершенного похода на Суздаль («и на томъ же пути отяша посадничество у Петрилы и даша Иванку Павловицу»). В том же году, в трагической для Новгорода битве при Ждане горе, которой закончился новый поход на Суздаль, оба боярина по-

гибли («... и убиша посадника новгородскаго Иванка, мужа храбра зъло, мѣсяця генъваря въ 26 и Петрила Микульчица и много добрыхъ мужъ» (НПЛ: 22–23).

Соперничество Петрилы Микульчича и Иванка Павловича В. Л. Янин убедительно объясняет принадлежностью их к противоборствующим боярским группировкам Неревского и Людина концов. Этот вывод базируется на сопоставлении летописных данных с материалом берестяных грамот. Боярский клан, к которому принадлежал Петрила Микульчич, проявляется в серии грамот Неревского раскопа конца XI – 30-х гг. XII в., в которых упоминаются Микула (№ 109), Петр (№ 336), Коснятин (№ 241) (последний предположительно отождествляется с братом Петрилы Константином Микульчичем, посадничавшим в 1136–1137 и в 1146–1147 гг.) (НГБ-IX: 8–9; Буров 1988: 119–125). Иванко Павлович и его отец опознаются в персонажах грамот того же периода, происходящих с Троицкого раскопа (№ 586, 633 — Иван, 736 — Иван, Павел, 745 — Павел; см. комментарии в издании).

Таким образом, оба исторических деятеля, с которыми мы склонны отождествлять адресатов грамоты № 88, уже встречались среди фигурантов берестяной переписки. Заметим, что в грамотах, до сих пор связывавшихся с ними, эти лица выступают под своими каноническими именами Петр и Иван. В нашем случае совпадают с летописными упоминаниями не только имена, но и гипокористические формы: Иванко и Петрила (Петрило)², притом что у обоих имен имелись и другие гипокористики (ср. упоминание в основном тексте грамоты Петрока, относящееся, как мы предположили выше, к другому лицу). Надежность отождествления от этого существенно возрастает.

Дополнительным доводом в пользу предложенной идентификации может служить то обстоятельство, что адресованное Иванку и Петриле письмо было найдено в Неревском конце. Слова «А Ив(анъкоу) повѣжь тако...» мы трактовали выше как указание Петриле довести до сведения Иванка адресованную тому часть сообщения; из этого следует, что письмо было доставлено по месту жительства второго адресата. Петрила Микульчич, как мы знаем, был неревским боярином.

Соединение в адресной формуле грамоты № 88 имен лидеров двух крупнейших боярских группировок Новгорода — факт в высшей степени примечательный и при этом не уникальный. Ближайшую аналогию нашему документу составляет грамота № 226, найденная также на Неревском раскопе в слое конца XII в. Сохранившееся в виде фрагмента, это письмо, судя по упоминанию в нем полюдья, также носило официальный характер. Его адресаты, Иванко и Мирошка, были ранее отождествлены нами с упоминаемыми совместно в рассказе НПЛ о событиях 1196–1197 гг. посадником Мирошкой Несдиничем, принадлежавшим к людинскому боярству, и Иванком, в котором анализ летописного повествования позволяет видеть предводителя боярства Неревского конца (Гиппиус 2003б: 50–56). Об институциональной природе такой двойной адресации см. (Гиппиус 2009: 42–43).

Некоторые соображения можно высказать и относительно личности автора грамоты. Хотя от его обозначения сохранилась лишь одна буква, и то отчасти, начертание это, при ближайшем рассмотрении, оказывается чрезвычайно информативным. Примерно на четвертой влево позиции от *и* в [иѿ]ан[ъ]коу (что, с учетом предлога *къ*, несомненно предшествовавшего имени, соответствует предпоследней букве словоформы) отчетливо виден изогнутый «хвост» от *з* или *у*. Однако *у* в грамоте имеет форму, с которой подобная форма «хвоста» сочетаться никак не может, — следовательно, это *з*. Христианских или славянских языческих имен с исходом на *з* неизвестно; нет также никакой возможности предполагать в грамоте столь раннего времени адресную формулу со словом *приказъ*. Существует, конечно, известная вероятность того, что автор носил какое-то неславянское имя (вроде прибалт.-финн. *Вельяказъ*, встретившегося в грамоте № 2 XIV в.) или имел прозвище вроде *Рагоза*, но она чрезвычайно мала.

На этом фоне наиболее вероятным, если не единственно приемлемым, оказывается решение, которое сразу же находится, как только мы допустим, что вместо имени автора в тексте указывался его титул: (*Отъ*

² Разница в морфологическом роде (в грамоте — женский, в летописи — мужской) в данном случае несущественна: такого рода колебания при именовании одного и того же лица в летописи обычны.

кна) [з] (а кѣ) [Ив]ан[ѣ]коу и кѣ Петри[лѣ]. С такой реконструкцией хорошо согласуется официальное начало письма (*Се съдѣ лони...*), равно как и предписание *Иванъкоу повѣжъ тако*, обращенное к новгородскому посаднику, — автор грамоты явно был по положению не ниже ее высокопоставленных адресатов, и князь подходит на эту роль как никто другой. Упоминание князя без имени для берестяных грамот является нормой, в том числе и в составе адресной формулы (ср. *кѣ князоу и кѣ Петръкоу* в № 872). В рассматриваемый период обладателем новгородского стола был Всеволод Мстиславич. Если наши выкладки верны, автором письма к Иванку и Петриле следует считать именно его.

№ 88 [З]. Запись *лоуни*, исправленная затем на *лони*, вряд ли является чистой «ошибкой пера». Она совершенно аналогична записи *Ѡмули* (вместо *Ѡмоли*) в грамоте № 395. В обоих случаях *о* стояло в предупредном слоге, т. е. не исключено, что в этих примерах отразилась свойственная некоторой части северновеликорусских говоров реализация безударного *о* в виде [ô], [oʷ], [yo] или [y] (в единичных случаях проникающая даже в литературный язык, как, например, *курно́сый* из *корно́сый*).

№ 89 (XI в.) [Г]. В начале грамоты уверенно читается *с*, размером превосходящее остальные буквы. Перед нами, таким образом, имя *Симан*, с буквой *а*, повернутой по кругу на 180°.

№ 90 (XI в.) [Г]. Это фрагмент грамоты, разрезанной с целью уничтожения:

(оу) ...
 сна дѣв[ѣ] ...
 ши пол[ѣ] ...
 нь на хар...

Документ представлял собой запись долгов или неких выплат. Особый интерес представляет последовательность *на хар...* в последней строке. Напрашивающаяся реконструкция *на Хар(итанѣ)* неприемлема ввиду того, что следующая за *р* буква — безусловно не *и*: это мог быть *ъ*, *ь* или *ѣ* (*б* или *в* после *р* в это время маловероятны). Подходящее решение отыскивается для первого варианта: *на харь(тихъ)*. Его можно было бы считать чересчур изысканным, если бы не публикуемая в настоящем томе грамота № 982, в которой встретилось это сочетание. По-видимому, плата за пергамен упоминалась и в комментируемом документе. Написание данного слова с *ъ* засвидетельствовано памятниками XII в.: это именно тот вариант с редуцированным, к которому восходит позднерусское *харотья*.

№ 94 (первое 20-летие XV в.; Г 53) [Г]. Перед *гѣ* в четвертой строке видны верхушки двух букв, допускающие реконструкцию, как нельзя лучше соответствующую риторике челобитной: *того, гѣ, съ села (гонить, се)[го], гѣ[е, го]нить, а себѣ, гѣ, ...*

№ 96 (10-е – нач. 20-х гг. XV в.; Д 39) [Г]. По нижним частям букв удастся восстановить большую часть ранее не читавшейся первой строки грамоты, следующим образом представив ее текст в целом:

... (клю)
 [ц]ника ... [с] н[и]в[ѣ] зг[он]иле и] пожен(ь) ...
 ле · беземниковъ · и а ѡмеша двои за ѣдора з бра
 (т)...

Конъектура (клю)[ц]ника опирается на грамоту № 94, в которой именно ключник сгоняет крестьян с земли. Для перехода со второй строки на третью вероятной представляется конъектура (*и поале беземниковъ*). Сгнав с нив и поженъ одних крестьян, ключник, очевидно, предоставил их другим, которые, по их прежнему положению, и названы «безземниками». Заметим, что в Слов. XI–XVII этот термин отсутствует.

№ 108 (кон. XII – 1 четв. XIII в.; Б 132) [Г]. *Дьвати* написано поверх *плати*.